

Валерий
Брюсов

Повести и рассказы

Повести и рассказы // Советская Россия, Москва, 1983
FB2: "fb2design", 15 July 2012, version 2.1
FB2: Isais, 15 July 2012, version 2.1
UUID: F0710B22-B413-41D1-8DA6-53F16A81766F
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Яковлевич Брюсов

Ночное путешествие

Дьявол обещал показать герою эпизода миры, которых тот вообразить не мог бы...

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

#1	0005
Комментарии	0014

Валерий Яковлевич Брюсов
Ночное путешествие

Эпизод

— Ты хвалишься напрасно, — сказал мне Дьявол, — я покажу тебе миры, которых вообразить ты не мог бы. Гляди: видишь ты эту звезду а в созвездии Ориона?

Я посмотрел, куда указывал мне длинный и чешуйчатый коготь. Дьявол другой рукой приподымал тяжелую портьеру у окна. Небо казалось черной бездной, разверстой у ног.

— Вокруг этой звезды, — продолжал Дьявол, — вращается сто сорок больших планет, не считая астероидов. Мы с тобою сейчас перенесемся на одну из них, величиною с вашу зеленую землю.

— А сколько времени мы будем в пути? — спросил я насмешливо.

Дьявол посмотрел на меня вдвое насмешливее, жидкая бородака его затряслась, и он ответил мне так:

— Конечно, мы летели бы миллионы лет, если бы пожелали пройти через все промежуточные точки между землей и той звездой. Но мы минуем их. Дай мне руку.

В тот день Дьявол был одет в широкий испанский плащ, и лицо у него было, как у

оперного Дон-Жуана, но, из странного щегольства, он сохранял мохнатые ладони и крючковатые пальцы, как у духа Тьмы на гравюре Дюрера[1]. Меня передернуло от прикосновения этой шершавой руки. А Дьявол захотел мне в лицо и рванул меня вперед, словно увлекая в какой-то бешеный танец.

На миг у меня закружилась голова, так как от моего спутника пахнуло на меня крепкими, но неприятными духами. Однако тотчас же Дьявол выпустил мою руку. Мы были уже не на земле. Мы были в неизвестном мне мире.

Небо над нами было радужное. Оно словно ежеминутно вспыхивало багровыми молниями, цвет которых затем переливался во все краски спектра. Казалось, что вся вселенная — один гигантский фейерверк или один сплошной пожар.

— Не пугайся, — сказал мне Дьявол, хохоча, — уже потому не пугайся, что у тебя нет твоих телесных органов. Это не оттого, чтобы мне трудно было перенести сюда твой земной состав, — мне это столь же легко, как вытолкать тебя за дверь. Но твои телесные органы

не приспособлены к здешней атмосфере и здешнему свету. Вот отчего я предпочел взять сюда твой астральный образ[2]. А тело твое, словно труп, лежит на полу в твоей комнате, от которой отделяет нас такое количество миль, какое ты все равно не сможешь представить.

Я огляделся.

Вся почва кругом поросла растениями. Но они тихо двигались. То были оранжевого цвета стебли, толщиной в человеческую руку, прикрепленные корнем к почве, — с узкими, едва развитыми, чешуйками, вроде листьев, но с большой округлой шапкой, заканчивавшей их, словно чашечка Цветка. Эта чашечка была увенчана, тоже едва развитыми, лепестками, между которыми на месте, где можно было ожидать тычинок, тускло отражало лучи некоторое подобие глаза. И море этих оранжевых, длинных, зрячих стеблей медленно извивалось, вытягивалось, подымалось и опускалось, зыблемое словно не осязаемым для меня ветром.

— Они не видят нас, — сказал мне Дьявол, — пойдем.

Мы понеслись в легком полете по воздуху. Образ моего спутника был теперь иным: он похож был на мечту о прекрасном Люцифере, и над его ликом падшего серафима слабо светился венец из неярких алмазов. Живые растения с дрожью вытягивались под нами, смутно ощущая веянье наших астральных тел.

Был уже вечер, и ярко-красный диск солнца лежал на горизонте, вонзая ослепительные лучи, переливавшиеся всеми цветами радуги, в медленно меркнувший небосклон. Потом огненный круг канул за черту кругозора, и в небе началась новая пляска всех красок и всех оттенков, пьяные игры пылающих, разноцветных, меняющихся хамелеонов и саламандр. Еще немного позже взошли четыре луны: голубая, зеленая, желтая и фиолетовая, и их лучи, перекрещиваясь, протянули потоки спокойного света через все еще воспламеняющиеся отблески дня.

Заметив, что я занят картинами неба, Дьявол сказал мне самодовольно:

— Однако ты изумлен довольно. *Così ti circonfulse luce viva*[3], как говорит ваш поэт.

Но посмотри вниз: здесь наступила пора любви.

Я сделал вид, что не замечаю искажения в цитате из «Рая», и действительно опустил взоры. Охваченные страстным томлением, живые стебли теперь влачили один к другому, соединяясь в группы по три, и глаза их под магическим светом четырех разноцветных лун ожили и мерцали огнем вожделеания. Я видел, как растения, заплетая шнуром свои стебли и вытягиваясь в высь, как копья, близили чашечки своих цветов, словно змеи на жезле Гермеса свои головы[4]. Я видел, как потом три чашечки соприкасались, как глаза их подергивались мутной влагой, как лепестки их спаивались в один безобразный бутон. Мы продолжали скользить в легком полете над оцетинившейся почвой, и я спросил своего спутника:

— Почему они соединяются по три? Дьявол отвечал презрительно:

— Ты, как человек, думаешь, что может существовать лишь два пола. В этом мире их — три, но я знаю другой, где их — семнадцать, и есть такие, где их — несколько тысяч. Но я не

поведу тебя в эти страны, чтобы не задать твоему бедному земному разуму непосильной работы.

Тем временем съединившиеся стебли встали под нами, как стальные прутья, и устремили свои острия прямо в небо; к стеблям тесно прижались их листья-чешуя, а между стеблями у корней открылась почва, морщинистая, сухая, как кожа дряхлого гиппопотама.

Я опять задал вопрос:

— Разве на этой планете нет воды?

Дьявол кинул небрежно в ответ:

— Здесь есть водород.

Больше я не хотел спрашивать, и мы продолжали полет в молчании, окружая планетный шар, который весь был столь же плоским, как куриное яйцо, и безнадежно однообразным, без гор и долин, без рек и морей. Некоторое время опять любовался я картиной звездной ночи, рассматривая иную, нежели с земли, группировку звезд, белыми пятнами пронизавших сине-зелено-желто-оранжевое небо. Потом опять посмотрел я на растения и увидел, что их любовные спазмы кончились. Ослабшие стебли быстро расплетались и

один за другим падали ниц, в изнеможении, бессильные. Скоро вся почва под нами была вновь завалена безобразной грудой омертвевших, дряблых растений, с некрасиво развороченными чашечками цветов, откуда бессмысленно и тупо смотрел какой-то невидящий, остановившийся взор.

Содрогнувшись, я сказал Дьяволу:

— Послушай, мне здесь скучно.[5] Ты обещал показать мне мир, который я не могу вообразить. Уверяю тебя, что воображение Фламариона и Уэльса[6] рисовало миры, гораздо более удивительные. Я думал, что ты поведешь меня в области духов света и огня, чьи чувства и понятия в миллион раз сложнее и утонченнее моих; я думал, что ты поведешь меня во вселенные иного измерения, где что-то новое прибавится к мере всех предметов, или во вселенные иного времени, где кроме прошедшего, настоящего и будущего окажется нечто четвертое. А ты, во всей беспредельности бытия, не нашел ничего лучшего, как показать мне фейерверк, который можно точно воспроизвести синематографом, да блуд цветов — зрелище, от которого меня

тошнит. Знаешь, старший твой брат, Мефистофель, был куда изобретательнее.

Страшным огнем воспламенился весь состав Дьявола, и гневным голосом возопил он мне из самой глубины своего существа:

— Жалкий червяк! а забыл ты, как Фауст пал ничком на пол, когда явился Дух Земли[7], или как Семела была испепелена, узрев Зевса[8]? Того же хочешь и ты?

Но я, протянув свои астральные руки ладонями вперед, спокойно произнес заклинательную формулу славного Киприана[9], и в тот же миг лик Люцифера искривился и перекосялся весь, как в выпуклом зеркале, и стремительнее, чем летящий болид, рухнул мой спутник в огненную бездну. Мое существо, одновременно с тем, получило страшный удар, словно разряд тысячи сильнейших электрических батарей, и я увидел себя сидящим на полу, в своей комнате, подле письменного стола.

Ничего не изменилось вокруг, но портьера перед окном была поднята, а в окне одно стекло разбито вдребезги: конечно, от сотрясения при моем падении, потому что астраль-

ное тело, проходя через твердые предметы, не изменяет их физического строения.

Комментарии

Впервые напечатано: Весы, 1908, № 11, с. 19–21, подпись: К. Веригин. Вошла в книгу Брюсова «Ночи и дни. Вторая книга рассказов и драматических сцен». М, Скорпион, 1913, с. 131–135. Печатается по тексту этого издания.

По стилю и образному строю «эпизод» «Ночное путешествие» приближается к роману Брюсова «Огненный Ангел» (законченному печатанием в «Весях» в № 8 за 1908 г.): в четвертой к пятой главах романа описываются полет на шабаш и магические опыты, предпринимаемые героем, сообщаются разнообразные сведения из области демонологии и т. д.

В предисловии к книге «Ночи и дни» Брюсов пишет: «Эпизод „Ночное путешествие“ служит как бы символическим послесловием к рассказам». С другими рассказами этой книги «Ночное путешествие» объединяет поставленная в центр внимания тема любовного влечения, поданная в отвлеченном, условно-фантастическом ракурсе. См. рецензию З. Бухаровой. Россия, 1913, № 2286, 28 апреля, с.

6; подпись: З. Б.

Примечания

...как у духа Тьмы на гравюре Дюрера. — Гравюра на меди «Всадник, смерть и дьявол» (1513) великого немецкого живописца и гравера Альбрехта Дюрера (1471–1528).

[^^^]

...астральный образ. — Согласно оккультным представлениям, астральное тело (вмещающее в себя область человеческих чувств) может временно отделяться от физического тела человека и перемещаться в пространстве и во времени в особом измерении.

[^^^]

Cost ti circonfulse luce viva... — У Данте: «Cosi mi circonfulse luce viva» («Рай», XXX, 49) — «Так меня осиял яркий свет» (в переводе М. Л. Лозинского: «Так я был осиян ярчайшим светом»). Дьявол, соответственно, «исправляет» в тексте Данте местоимение «меня» на «тебя».

[^^^]

...змеи на жезле Гермеса... — Одна из эмблем древнегреческого бога Гермеса — жезл вестника, на конце которого сплетаются две змеи. В данном случае подразумевается позднеантичный образ Гермеса Трисмегиста, высшего авторитета в области оккультных наук.

[^^^]

5

Послушай, мне здесь скучно. — Вероятная реминисценция слов Фауста в «Сцене из Фауста» (1825) Пушкина: «Мне скучно, бес».

[^^^]

...воображение Фламариона и Уэльса... — Фламарион Камиль (1842–1925) — французский астроном и философ; его научно-популярные и научно-фантастические книги, так же как и романы Герберта Уэллса, были с увлечением прочитаны Брюсовым.

[^^^]

...Фауст пал ничком на пол, когда явился Дух Земли... — Имеется в виду сцена из «Фауста» Гете (часть I, «Ночь»).

[^^^]

...Семела была испепелена, узрев Зевса... — сюжет древнегреческой мифологии. Семела — дочь Кадма, мать бога Диониса от Зевса — упросила Зевса, чтобы он предстал ей во всем своем величии; когда же он приблизился к ней с молнией и громом, пламя охватило Семелу и ее дом.

[^^^]

...Славного Киприана... — Св. Киприан (ок. 200–258) — епископ Карфагенский, видный деятель ранней христианской церкви, автор ряда богословских сочинений.

[^^^]